

УДК 355.291.6(44)|1805|1815|+94(44).05

Военные потери Франции в эпоху войн Первой империи

О. В. Соколов

Соколов Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и Новейшего времени Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, sokolov1796@yandex.ru

В статье дается оценка безвозвратных потерь французской армии в эпоху наполеоновских войн на основе анализа послужных списков солдат, хранящихся во французском военном архиве (SHD, Vincennes, фонд 20 YC). Обращение к данному источнику дает возможность более точно оценить потери, чем анализ отдельных рапортов, который позволяет суммировать военные потери. Рассмотрены дела военнослужащих частей, представляющих собой основную часть наполеоновской армии, т. е. не гвардейских и не иностранных – в общей сложности 8431 человек. Данная выборка достаточно убедительно подтверждает данные, представленные ранее французским историком Удайлем, который оценивает общие безвозвратные потери французской армии в ходе наполеоновских войн примерно в 900 000 человек.

Ключевые слова: Наполеон, наполеоновские войны, военные потери, Первая французская империя, Отечественная война 1812 г.

The French Military Losses During the Wars of the First Empire

O. V. Sokolov

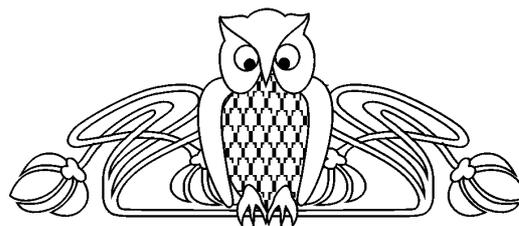
Oleg V. Sokolov, <https://orcid.org/0000-0001-5338-857X>, Institute of History, Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Nab., St. Petersburg 199034, Russia, sokolov1796@yandex.ru

This article explores the irretrievable losses of the French army during the Napoleonic wars through analysis of the service records of soldiers stored in the French military archive (SHD, Vincennes, 20 YC). This source allows to estimate military losses much more accurately than individual reports, which help to sum up these losses. During the study, service records of the main part of the Napoleonic army, without guards and foreign regiments were reviewed. This is about 8,431 people. This representative sample allows to confirm the analysis carried out earlier by a French historian Houdaille, who estimated the total deadweight loss of the French army during the Napoleonic wars to nearly 900,000 people.

Keywords: Napoleon, Napoleonic wars, the military losses, the First French Empire, Patriotic war of 1812.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-337-343>

Эпоха Наполеона поистине стала эпохой европейских войн и оставила глубокий след как в истории Франции, так и всей Европы. Военные конфликты перекроили мировую карту и привели к огромным политическим и социальным пертурбациям, а также к огромным человеческим

потерям, размер которых важен для правильного понимания истории наполеоновских войн, да и всей истории Европы начала XIX в.

Количество военных потерь Франции в годы наполеоновских войн нередко становилось предметом политических спекуляций. Так, когда Бурбоны снова пришли к власти, один из ярких роялистов доказывал, что в эпоху Империи Франция потеряла 5 млн 256 тыс. чел.¹

Впрочем, наиболее часто приводилась цифра, которую известный экономист и политический деятель Ипполит Филибер Пасси озвучил в своем докладе на заседании в Академии наук в 1859 г. – 1 млн 700 тыс. чел.² Именно это количество безвозвратных потерь французской армии в эпоху Империи можно найти во многих классических работах по истории наполеоновского периода. В частности, знаменитый историк конца XIX в. Ипполит Тэн писал: «Между 1804 и 1815 годом Наполеон убил 1 700 000 французов, родившихся в границах старой Франции, к которым надо добавить еще 2 миллиона, родившихся вне этих границ...»³ Примерно то же самое можно прочитать и в монументальной «Всеобщей истории» под редакцией Лависса и Рамбо, в т. IX которой, посвященном эпохе Наполеона, говорится о «1 750 000 погибших только французов»⁴.

В отечественной историографии традиционно оценивали потери наполеоновской Франции примерно так же, как и в классических трудах французских историков. Советские историки Л. С. Каминский и С. А. Новосельский отмечали, что «сколько-нибудь точными данными о военных потерях французов за все войны 1792–1815 гг. мы не располагаем. Предполагается, что значительная часть материалов об этих потерях была сознательно уничтожена»⁵. Сами авторы варьировали эту численность от 3 млн до 2,5 млн чел. Другой отечественный исследователь Б. Ц. Урланис, приводя данные для периода 1805–1815 гг., писал: «Из общего числа 371 тыс. убитых и умерших от ран на долю французов приходилось 306 тыс. и 65 тыс. – на войска союзных армий»⁶. Общее же число убитых и раненых автор оценивал в 1 334 750 чел.

В современной европейской историографии этот вопрос до конца не исследован, хотя цифры, которые приводят историки, куда более реалистичны. Так Ален Пижар, автор монографии «Наполеоновская Армия»⁷, оценивает общие потери в 485 000 убитых и 700 000 раненых. Английский историк Дэвид Гейтс в своем исследовании

довании «Наполеоновские войны 1803–1815»⁸ считает, что французской армии эти войны стоили, по меньшей мере, 916 000 убитых. Для поколения, родившегося между 1790 и 1795 гг., доля смертности составляет 38 %, что на 14 % больше, чем доля погибших в Первой мировой войне. В целом для Европы эта цифра составила 5 млн чел. Дэвид Бэлл в исследовании «Первая тотальная война: Наполеоновская Европа и рождение войны, какой мы ее знаем»⁹ доводит военные потери Франции до 1 млн чел. Мэтью Уайт в «Статистике войн» считает, что число убитых в годы войн французов составляло 371 000 чел.¹⁰

Известные современные российские историки В. М. Безотосный, В. Н. Земцов, А. И. Попов, а также новейшая трехтомная энциклопедия, посвященная Отечественной войне 1812 г., вопрос общих потерь наполеоновской империи не затрагивают.

Идея обращения к архивным документам не нова. Андре Корвизье проделал подобную работу в отношении солдат королевской армии конца XVII–середины XVIII в.¹¹, а специалист в области демографии Жак Удаиль рассмотрел около 5 тыс. послужных списков солдат эпохи Консульства и Империи¹². Цифра, к которой пришел автор на основе исследования этого вида источников, является наиболее обоснованной и убедительной. Удаиль оценил безвозвратные потери французской армии в 900 000 чел.¹³. Интересно, что данная цифра – 900 тыс. убитых и умерших от ран в эпоху Империи – впервые была названа Малартиком и Пасторе в рапорте палате Пэров Франции в 1817 г. Однако их информация не была услышана не только широкой публикой, но и историками.

Работа, проведенная нами, с одной стороны, была призвана проверить результаты исследований Удаиля. Это важно, учитывая неизбежную погрешность при работе не со всем массивом документов, а лишь с определенной сделанной из него выборкой. С другой стороны, нам хотелось расширить работу, получив выводы не только о безвозвратных потерях, но и, кроме того, уточнив возрастные параметры солдат наполеоновской армии, а также их конечные служебные судьбы.

С момента прихода к власти Бонапарта до последних призывов 1813–1814 гг. в строй было поставлено около 2 млн чел.¹⁴, из которых только приблизительно 1 млн 600 тыс. были французами (т. е. лицами, родившимися на территории «старых департаментов» – Франции в пределах границ 1792 г., а еще точнее – в границах 1815 г., так как, несмотря на все территориальные потери, по Венскому трактату за Францией остались Авиньон и бывшие владения немецких князей в Эльзасе). Если учесть, что Бонапарт получил в наследство от Директории армию приблизительно в 350 тыс. чел., примерно половина которой была почти тотчас распущена по домам, можно сказать, что приблизительно 1 млн 800 тыс. французов

служили в армии в эпоху Консульства и Империи. Даже если считать в процентном отношении, принимая за численность населения Франции цифру 30 млн чел., можно заключить, что было мобилизовано около 6 % населения, или менее 31 % военнообязанных. В Первую мировую войну Франция отправила в окопы 8 млн чел., т. е. 20 % населения (около 40 млн чел.), или практически всех военнообязанных.

Общее количество военнослужащих, занесенных в послужные списки эпохи Консульства и Империи, приближается к 3 млн. Не следует удивляться этой цифре, считая ее противоречащей приведенному нами выше количеству мобилизованных французов – 1 млн 800 тыс. чел. Дело в том, что немалая часть солдатских списков относится к иностранцам, многие военнослужащие фигурируют в них по 2 и более раз. Это получалось, когда человек переводился из одного полка в другой или при переформировании частей. В таких случаях составлялись новые послужные списки, а старые сдавались в архив.

Ясно, что для обработки подобной массы документов целиком понадобилось бы время, превосходящее возможности одного исследователя. Поэтому подобно Ж. Удайлю мы сделали выборку, достаточно представительную, чтобы сформулировать обоснованные выводы. Нами были изучены послужные списки почти 10 тыс. чел., служивших в различных полках пехоты, кавалерии, артиллерии, а также солдат Императорской гвардии и швейцарских войск.

Согласно расчетам по формулам математической статистики выборка в 8431 чел. среди 1,8 млн обеспечивает довольно точный результат. Погрешность составляет всего 1,2 %. Абсолютная точность вообще невозможна, так как сами исходные цифры изначально имеют погрешность в несколько процентов за счет неясностей в ряде записей в послужных списках.

Выборка представительна также и потому что указанные люди состояли в разных полках, находившихся в разных точках империи. Нами были исследованы 13 пехотных полков, 11 кавалерийских и 3 артиллерийских. Среди пехоты представлены полки линейные и легкие, в кавалерии – это кирасиры, гусары, драгуны, конные егеря. Артиллерия была рассмотрена пешая и конная. Наконец, мы брали части, сражавшиеся на всех возможных театрах военных действий, что также достаточно важно, ибо ясно, что судьба тех, кто в течение нескольких лет находился в гарнизоне в Севилье, отличается от судьбы тех, кому пришлось вынести на себе тяготы отступления из России.

Среднее время пребывания солдат под знаменами оказалось равным примерно 2,4 года в пехоте, 3,2–3,4 – в кавалерии (в зависимости от рода оружия) и 3,6 – в артиллерии. Трудно сказать, таким образом, что попавшие в ряды императорской армии тянули солдатскую лямку дол-

гие годы. Более продолжительная служба в рядах артиллерии объяснялась тем, что сюда попадали лучшие из призывников, да и боевые потери здесь были меньше, чем в других родах войск. В кавалерии были не такие качественные новобранцы, а боевые потери больше.

Что же стало с этими людьми через 2–3 года, проведенных под знаменами? Ведь закон гласил, что в военное время служба призванных в армию должна быть бессрочной. Неужели правы «классические» труды типа знаменитой в свое время «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо, где говорилось: «Раз вступив на военную службу, человек живым не выходил из нее. Со времени 1808 года каждый из этих угрюмых и ворчливых ветеранов твердо знает, что ему суждено умереть от ядра, пули или на госпитальной койке»¹⁵.

Уже из приведенной цитаты, ставшей основой для выводов многих популярных исторических книг, можно предположить, что их авторы были не слишком хорошо знакомы с реальностью. Ведь если средний срок службы равнялся 2,5–3,5 годам, то, учитывая, что призывной возраст был 20,5 лет, наполеоновский солдат – это в подавляющем большинстве случаев очень молодой человек, ему в среднем 22–23 года (!) и на «угрюмого ворчливого ветерана» он, вероятно, слабо походил.

Для выяснения подлинной судьбы солдат рассматривалась последняя и самая интересная графа в послужном списке. К сожалению, именно она и вызывает наибольшее количество разночтений. Очень часто записи носили расплывчатый, туманный и двусмысленный характер. Чего стоит только весьма распространенная формулировка «вычеркнут по причине долгого отсутствия в госпитале». За этой формулировкой может скрываться в принципе что угодно: и судьба солдата, умершего на больничной койке, и того, кто по выздоровлению был отправлен в другую часть и преспокойно продолжал служить, и того, кто демобилизовался после выздоровления по состоянию здоровья, и того, кто просто-напросто дезертировал по дороге из госпиталя.

Не меньше вопросов вызывает и формулировка «остался позади» (с такого-то числа). Кто это? Отставший от изнеможения солдат, умерший на обочине тракта, или дезертир, убежавший на марше, или солдат, задержавшийся в конце колонны, чтобы отправить естественную надобность за ближайшей елкой, и там взятый в плен вражеским разбегом?

Ясно, что из подобных документов невозможно получить точные количественные результаты, даже если бы были обработаны все 3 млн послужных списков. Понимая, что речь идет об очень приближенных цифрах, мы не ставили перед собой задачу точного математического анализа всех деталей, нас интересовал лишь качественный результат, который, как представля-

ется, вполне вырисовывается на основании исследования данной выборки (таблица).

Уже на первый взгляд ясно, что эти цифры можно использовать очень осторожно. Например, сразу бросается в глаза и удивляет, что 6,4 % (311 чел.) пехотинцев пропали без вести в России, в то время, как ни один кавалерист и ни один артиллерист не разделил эту участь. Объяснение этому парадоксу очень простое – писари кавалерийских и артиллерийских полков использовали в этом случае другую формулировку, чаще всего «попал в плен». В результате в процентном отношении эта статья потерь более значима у кавалеристов и артиллеристов, чем у пехоты.

Необходимо отметить, что 11,5 % переведенных в другой полк – маловажная цифра. Ведь нас интересует не факт перемещения солдата из одной части в другую, а его конечная судьба, следовательно, указанные 11,5 % должны быть пропорционально распределены по другим графам. Количество «вычеркнутых по причине долгого отсутствия» (как «в госпитале», так и без этого уточнения), также должно быть распределено. Ведь в него включены и раненые, и больные, умершие в госпиталях, и дезертиры. Равным образом должно быть распределено по другим графам и количество «оставшихся позади». С другой стороны, процент убитых в бою и умерших от ран требует лишь небольшой корректировки, так как смерть на поле сражения большей частью фиксировалась в документах.

В результате судьба солдат, призванных на службу в начале Империи, выглядит приблизительно следующим образом:

- ушли в отставку или уволены по состоянию здоровья – 15–16 %;
- погибли в бою или умерли от ран – 8–10 %;
- умерли в госпиталях от болезней или на походе от лишений – 30–35 %;
- попали в плен – около 15 %;
- стали офицерами – приблизительно 1 %;
- самовольно покинули службу (дезертировали) – 10–12 %;
- дослужились до конца Империи – более 10 %.

Нет сомнения, что если бы мы брали новобранцев более поздних годов призыва, проценты в последних двух графах были бы более высокими. Естественно, что у солдат, призванных в 1813–1814 гг., было больше шансов дослужиться до конца Империи. Кроме того, многие из них по выходе из госпиталя уже не возвращались в строй, иначе говоря, самовольно покинули службу.

Таким образом, исследуя судьбы призывников 1805–1812 гг., мы получаем максимально возможную цифру потерь, что, собственно, и хотелось выяснить. Если взять призывников 1813–1814 гг., эта цифра будет несколько меньше.

Если принять во внимание, что часть пленных умерли в плену, можно очень приблизи-

Судьба солдат армии Наполеона (не гвардейцев), призванных на военную службу в 1805–1812 г., %

Просмотренные послужные списки	Пехота (4890 чел.)	Кавалерия (2645 чел.)	Артиллерия (896 чел.)	Всего по армии
Уволено в отставку	8,5	5,7	5,4	7,9
Реформировано (т. е. уволено по состоянию здоровья)	6,0	9,8	7,5	6,7
Зачислено в ряды ветеранов	0,7	0,5	0,5	0,6
Вычеркнуто по причине долгого отсутствия	3,7	3,8	3,8	3,7
Вычеркнуто по причине долгого отсутствия в госпитале	11,3	2,0	2,6	9,4
Убито	2,9	3,2	3,3	3,0
Умерло от ран	4,2	5,6	2,0	4,3
Умерло в госпитале (от болезней)	17,0	7,9	17,2	15,5
Попало в плен	12,2	19,8	11,7	13,4
Осталось позади	1,0	7,6	7,0	2,3
Дезертировало	8,5	9,3	8,0	8,6
Пропали без вести в 1812 г.	6,4	0	0	5,0
Стали офицерами	0,6	0,4	0	0,6
Переведены в другие части	11,5	10,9	14,0	11,5
Продолжали служить в 1814 г.	5,5	13,3	17,0	7,3
Итого:	100	99,8	100	99,8

тельно оценить безвозвратные потери. Они составляли несколько менее половины всех призванных на службу, вероятно, порядка 45 %. Больше половины солдат вернулись в конечном итоге домой. Примерно половина из возвратившихся пришли к своим очагам целыми и невредимыми и в законном порядке. Другая половина (четверть общего количества призванных) состояла из тех, кто спас себя незаконным порядком – дезертировал либо вернулся из плена уже после войны.

Подобный подсчет может показаться слишком приблизительным. Тем не менее мы уверены, что всякая попытка выйти за пределы этой качественной оценки будет математически некорректна, так как нам приходилось постоянно сталкиваться с туманными формулировками и как следствие – с весьма приблизительными цифрами.

К чему может привести оперирование числами, не подкрепленными «физическим» анализом, свидетельствует следующий факт. Желая установить потери гвардейской пехоты под Ватерлоо, мы просмотрели все без исключения послужные списки ее рядового и унтер-офицерского состава. В результате получилось, что пехота гвардии потеряла «оставшимися позади» и «считающимися пленными» 4328 солдат и унтер-офицеров, и лишь 267 чел. убитыми, ранеными и умершими от ран¹⁶. И это в то время, как все без исключения источники отмечают огромное количество погибших и раненых гвардейцев и относительно малое количество попавших в плен. Парадокс объясняется весьма просто – потери ряда полков пешей гвардии при Ватерлоо были

столь велики, что не представлялось возможным, как это было после обычных сражений, восстановить, что случилось с тем или иным солдатом. Поэтому ответственные за регистры, чтобы не ошибиться, выбрали абсолютно расплывчатую формулировку «остался позади», чаще всего с добавкой «считается пленным».

По той же причине в статье Ж. Удайля, посвященной потерям и основанной лишь на послужных списках, получается, что в русской кампании 1812 г. Великая Армия потеряла лишь 5000 чел. убитыми¹⁷, что абсолютно не согласуется с другими источниками. В качестве источников имеются в виду, конечно, не бравурные рапорты русских генералов о бесчисленно «побитых басурманах», а сведения из внутренней, не предназначенной для публикации документации командования Великой Армии. Так, согласно рапорту главного инспектора по смотрам Великой Армии барона Денние, только в Бородинском сражении (битве на Москве-реке) были убиты 6567 солдат, офицеров и генералов Великой Армии¹⁸. Причём данная цифра – минимальная, ибо данные Денние были неполными. Иначе говоря, только по неполным сведениям в одном сражении, пусть и самом кровопролитном, Великая Армия потеряла значительно больше 5 тыс. чел. убитыми, но ведь были и другие отчаянные битвы – Смоленск, Малоярославец, Красный, Березина и т. д. Значит ли это, что на послужные списки нельзя вообще опираться?

Нет, просто надо учитывать, что регистры лежали в полковом депо где-нибудь в Париже, Милане или Гамбурге, и когда спустя несколько месяцев после кампании необходимо было отме-

тять, что случилось с тем или иным солдатом, этого часто нельзя было установить. Полковая канцелярия была утеряна во время отступления, а товарищи выбывшего из строя солдата исчезли во время отступления. В результате, как и в примере с гвардейцами, писари использовали округлую формулировку: «остался позади» и т. п.

Напротив, в большинстве походов сохранялись полковые документы, где фиксировались все, павшие на поле брани, и поэтому подобный метод установления количества убитых в бою даёт вполне приемлемый результат. Так, используя полковые регистры, современные исследователи Даниэль и Бернар Кентены попытались установить истинное количество солдат Великой Армии, убитых при Аустерлице. Они просмотрели все послужные списки солдат и офицеров всех полков, участвовавших в этой битве. В результате были выявлены те, у кого в последней графе документа стоит лаконичная надпись «убит при Аустерлице». Таких (вместе со смертельно ранеными) оказалось 1537 чел., из них 1 генерал, 109 офицеров и 1428 унтер-офицеров и солдат¹⁹.

Авторы отметили, что сверх этого в послужных списках полков, участвовавших в битве, имеется еще 400 солдат и унтер-офицеров, судьба которых точно неизвестна, и которые вполне могут быть погибшими при Аустерлице. Например, те, у которых отмечено, что они «выбыли по причине долгого пребывания в госпитале», где они оказались после получения ран при Аустерлице, или те, кто умер в госпитале «по причине ранения», неизвестно где полученного, но некоторое время спустя после Аустерлица, и т. д. С учетом того, что по рапортам, представленным императору и, без сомнения, близким к действительности, но неполным, армия потеряла 1305 убитых²⁰, можно заключить, что анализ количества потерь на основе послужных списков даёт вполне близкие к реальности результаты.

Таким образом, процент потерь, полученный на основе анализа послужных списков, а именно 45 % вполне достоверен. С учётом того, что под знамёна было призвано около 1 млн 800 тыс. чел., можно заключить, что общая цифра безвозвратных потерь французских полков в эпоху Консульства и Империи составила несколько более 800 тыс. чел. С учетом иностранных частей, служивших Наполеону (непосредственно в рядах французской армии), вероятно, около 900 тыс. чел. Необходимо отметить, что в рядах «французских» полков служило большое количество этнических немцев, итальянцев, бельгийцев и голландцев, подданных Империи.

Данные результаты, основанные на приблизительной оценке анализа послужных списков, вполне совпадают с теми подсчётами, которые произвел Ж. Удаиль, согласно которому общие безвозвратные потери французской армии в эту эпоху составили 870–900 тыс. чел.²¹

Используя результаты последних исследований и наш анализ, можно практически назвать цифру безвозвратных потерь французской армии в эпоху Империи – 800–900 тыс. чел., из которых не более 150–200 тыс. чел. пали на поле брани или умерли от ран, остальные – из-за болезни или лишений.

Соотношение убитых в бою и умерших в госпиталях и на дорогах не должно удивлять. Лишения походов, голод и эпидемии в начале XIX в. убивали гораздо больше солдат, чем пули неприятеля. Причиной этого были, с одной стороны, скромные, по сравнению с современными, возможности средств уничтожения и отсутствие ожесточения идеологических конфликтов XX в., что ограничивало цифры боевых потерь. С другой стороны, это невысокий уровень медицинской помощи, хроническая нехватка медикаментов и антисанитария в госпиталях. Соотношение между количеством убитых в боях и умерших по иным причинам было в наполеоновской армии далеко не самое шокирующее. Благодаря относительной педантичности администрации николаевской России у нас имеются точные данные по потерям русской армии, правда, за более поздний период (1825–1850 гг.), который, однако, полностью сохраняет черты исследуемого нами времени. Согласно официальному отчету Военного министерства, российская армия с 1825 по 1850 г. потеряла в боях 30 233 чел. Как известно, на этот период приходится Русско-иранская война 1826–1828 гг., Русско-турецкая война 1828–1829 гг., кавказские войны, война против восставшей Польши 1831 г., подавление Венгерского восстания в 1849 г. Как видим, боевые потери для столь наполненного войнами периода были весьма невелики. За это же время согласно отчету умерли от болезней и ран (в основном от болезней) 1 062 839 русских солдат²²!

Возвращаясь к наполеоновским войскам, мы видим, что, несмотря на весьма ошутимое кровопускание, которое пришлось пережить Франции, оно было не столь значительно, как об этом часто пишется в популярной литературе. Более того, если вспомнить, что эти потери распределяются на почти 15-летний период, то их цифра покажется еще менее впечатляющей. Как следует из несложного арифметического действия, «среднегодовые» потери в наполеоновской Франции составляли около 60 тыс. чел., или 0,2 % от населения страны. Напомним, что в годы Первой мировой войны Франция потеряла 10,5 % (!) своего населения убитыми и пропавшими без вести, что в пересчете на год составляет около 2,5 % от населения, т. е. в 10,5 раз больше, чем в наполеоновских войнах.

Однако подобно тому, как люди конца XVIII – начала XIX в. были непривычны к всеобщей воинской обязанности, они равным образом не сталкивались до эпохи революции и империи с таким числом погибших.

По личным делам солдат королевской армии, хранящимся в архивах Венсенского замка, можно установить, что в период с 1716 по 1748 г. французская пехота (составлявшая подавляющее большинство армии) потеряла 81 577 чел. убитыми и умершими от ран и болезней. Правда, личные дела сохранились примерно на 47,6 % солдат королевской пехоты²³. Если учесть этот момент, а также условно принять, что артиллерия и кавалерия имели тот же процент потерь, что и пехота (тем самым, взяв максимум, так как и кавалерия, и артиллерия несли, без сомнения, меньшие в процентном отношении потери), получим около 170–180 тыс. солдат, павших в боях и умерших от болезней за 32 года Старого порядка, на которые приходится три значительных военных конфликта: война с Испанией (1718–1720 гг.), война за польское наследство (1733–1735 гг.) и война за австрийское наследство (1740–1748 гг.). Среднегодовые потери Франции, таким образом, можно определить в 5–6 тыс. чел., или 0,02–0,025 % от населения страны, следовательно, наполеоновские войны почти на порядок превосходят по кровопролитности войны королевской Франции.

Не следует забывать, что в XVIII в. условия жизни многих слоев населения были несколько худшими, чем в эпоху Империи. Как известно, в 1700–1800 гг. наблюдалось постепенное улучшение уровня жизни европейского населения. Смерть на поле боя в эпоху Империи вторгалась отныне в относительно обеспеченную и имевшую шанс быть достаточно долгой жизнь, в то время как в начале XVIII в. смерть наступала нередко относительно молодых людей и в мирное время.

Цифры, полученные современными исследователями, ярко иллюстрируют это положение. За указанный период (1716–1748 гг.) смертность среди солдат составила в среднем 2,554 % в год (1,913 % в мирное время и 3,179 % в военное)²⁴, в то время как смертность среди гражданского населения колебалась в пределах 2,5–3,0 %²⁵. Кажущийся парадокс объясняется просто – в армии служат в основном молодые мужчины, а гражданское население включает в себя и старцев, и грудных детей (смертность среди последних была довольно высокой). Тем не менее приведенные цифры не могут не удивлять: в первой половине XVIII в. смертность в войсках от пуль и болезней равнялась таковой среди тех, кто никогда не подставлял себя под выстрелы неприятеля!

Представляется, что без этих цифр, непосредственно не относящихся к описываемой нами эпохе, понять ее просто невозможно. Наполеоновские войны, как видно, явились гигантским скачком, по сравнению с предыдущей эпохой, как в смысле количества задействованных контингентов, так и в смысле понесенных потерь. Именно поэтому современники, воспитанные на традициях «войн в кружевах», ужасались

результатами императорских походов и оценивали их как огромные боины, а конскрипцию видели как напасть, которой необходимо изо всех сил противиться. Однако когда современный историк квалифицирует войны эпохи Наполеона в подобных выражениях, это смотрится, по меньшей мере, некорректно. По сравнению с тем, что принес с собой XX в., войны Империи уже не выглядят устрашающе, и мы здесь говорим не только о сопоставлении их с потерями в обеих мировых войнах. Достаточно вспомнить совсем недавнее прошлое: «ограниченную» войну во Вьетнаме, где американские войска, конечно, для «защиты демократии и прогресса» уничтожили около 2 млн вьетнамцев (!) (общие военные и гражданские потери северного и южного Вьетнама), да и сами потеряли немало – 50 тыс. убитых и 150 тыс. раненых и искалеченных...

Наполеоновское государство сумело наладить достаточно эффективную систему комплектования войск, систему, которая, несмотря на все ее недостатки, дала Франции армию, поначалу значительно превосходящую по численности и по качеству силы ее врагов. Эта армия отличалась как от вооруженных сил феодальных держав, пополнявшихся за счет рекрутских наборов среди зависимого населения, так и от армии буржуазной Англии, состоящей из наемников, силой или обманом набранных по портовым кабакам, притонам бродяг и тюрьмам. Армия французской Империи была армией всего народа. Она, без сомнения, понесла огромные потери в борьбе с европейскими коалициями, однако существенного влияния на демографические процессы эти потери повлиять не могли. Так что фраза из книги «Наполеон» выдающегося советского историка Е. В. Тарле об «опустошенных наборах (имеется в виду призыв новобранцев. – С. О.) деревнях»²⁶, безусловно, требует коррективов.

Примечания

- 1 Цит. по: *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P. : Presses Universitaires de France, 1968. P. 611.
- 2 Цит. по: *Meynier A.* Levées et pertes d'hommes sous le Consulat et l'Empire // *Révue des études napoléoniennes.* 1930. № 1. P. 37.
- 3 *Taine H.* Les origines de la France contemporaine. Le régime moderne. P. : Hachette, 1893. Vol.1. P. 115.
- 4 *Lavisse E., Rambaud A.* Histoire générale du IV siècle à nos jours. P. : Armand Colin, 1905. Т. 9 : Napoléon. P. 75.
- 5 *Каминский Л. С., Новосельский С. А.* Потери в прошлых войнах (1756–1918). Справочная книга. М. : Государственное издательство медицинской литературы, 1947. С. 13.
- 6 *Урланис Б. Ц.* История военных потерь. СПб. : Полигон, 1994. С. 77.
- 7 *Pigeard A.* L'Armée Napoléonienne. Entremont-le-Vieux, Curandera, 1993. P. 773–775.

- ⁸ Gates D. The Napoleonic Wars 1803–1815. New York : St. Martin's Press, 2003. P. 272.
- ⁹ Bell A. D. The First Total War : Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It. New York : Houghton Mifflin, 2007. P. 7.
- ¹⁰ White M. Statistics of Wars, Oppressions and Atrocities of the Nineteenth Century (the 1800s). 2014. URL: <http://necrometrics.com/wars19c.htm#Napoleonic> (дата обращения: 07.09. 2018).
- ¹¹ Corvisier A. L'armée française de la fin du XVIIe siècle au ministère de Choiseul : le soldat. P. : PUF, 1964. 1086 p.
- ¹² Houdaille J. Pertes de l'armée de terre sous le Premier Empire, d'après les registres matricules // Population. Revue bimestrielle de l'institut national d'études démographiques. Janv., Fevr. 1972. № 1. P. 27–50.
- ¹³ Houdaille J. Le problème des pertes de guerre // Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine. Juillet. 1970. № 17. P. 411–423.
- ¹⁴ Histoire militaire de la France. Sous la direction de J. Delmas. P., 1992. Т. 2. P. 307–308.
- ¹⁵ История XIX века : в 8 т. / под ред. Лависса и Рамбо. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. Т. 1. С. 103.
- ¹⁶ Service historique de la Défense, далее (SHD) 20YC 13, 14, 18, 44, 45, 55.
- ¹⁷ Houdaille J. Pertes de l'armée... P. 45.
- ¹⁸ Denniée P.-P. Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de la Russie. P. : Paulin, 1842. P. 80.
- ¹⁹ Quintin D., Quintin B. Austerlitz. Dictionnaire biographique des officiers, sous officiers et soldats tués ou mortellement blessés à Austerlitz. P. : Archives & culture, 2005. 298 p.
- ²⁰ Revue d'histoire. 1907. № 80. P. 409.
- ²¹ Ibid. P. 42.
- ²² См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. С. 114.
- ²³ Lucenet M. La mortalité dans l'infanterie française de 1716 à 1748 selon les contrôles de troupes // Mélanges André Corvisier. Le Soldat, La Stratégie, La Mort. P., 1989. P. 404–405.
- ²⁴ Ibid. P. 399.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Тарле Е. В. Наполеон. М. : Наука, 1991. С. 341.

Образец для цитирования:

Соколов О. В. Военные потери Франции в эпоху войн Первой империи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 337–343. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-337-343>

Cite this article as:

Sokolov O. V. The French Military Losses During the Wars of the First Empire. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 337–343 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-337-343>